

Городской театр.

„Мъщане“.

Съ перваго-же акта „Мъщанъ“ опредѣлилось исполненіе всѣхъ ролей пьесы нашей труппой, и впечатлѣніе, полученное сразу, не измѣнилось и дальше, до конца.

Первое мѣсто по обдуманности, разнообразію деталей, по жизненности цѣлаго, правдивости каждаго штриха мимики и жестовъ, а потому и по законченности даннаго образа, принадлежитъ г-жѣ Миртовой (Татьяна); это тѣмъ удивительнѣе, что эта артистка въ другихъ видѣнныхъ нами роляхъ рѣшительно ничѣмъ не выдавалась, а скорѣе обезличивала роли однотоннымъ, сѣрымъ исполненіемъ. Но тутъ она сумѣла изъ роли „ноющей“, вялой, пассивной, сдѣлать фигуру крайне интересную, избѣжать скуки для зрителя, повидимому необходимо съ ней связанной. Это признакъ настоящаго искусства. Если не допустить, что г-жа Миртова, обычно не проявляющая яркаго таланта, возвысилась сразу до творчества, то нужно предположить, что она воспользовалась какимъ-нибудь превосходнымъ образцомъ, внимательно изучила его и умно, самодѣтельно воспроизвела. Последнее имѣло бы тотъ живой интересъ для постановки театральнаго дѣла, что доказало-бы, какъ и второстепенныя силы могутъ, при соотвѣтствіи роли съ ихъ индивидуальностью, дойти до художественности и какого великолѣпнаго ансамбля можно было бы добиться почти во всякой труппѣ. Къ сожалѣнію, остальные исполнители „Мъщанъ“ были далеко не такъ удачно подобраны, а нѣкоторые и совсѣмъ не на мѣстѣ.

Во первыхъ, центральная фигура, самъ Безѣменовъ, эта гроза и гнетъ всего окружающаго, былъ сыгранъ г. Войталовскимъ положительно плохо. Такое исполненіе, съ фальшью во всѣхъ интонаціяхъ, съ какимъ-то ненужнымъ злодѣйскимъ выраженіемъ глазъ, съ дикціей до того неясной, что множество фразъ, совершенно проглоченныя, пропали для слуха зрителей—было бы нетерпимо даже въ роли болѣе простой. Но роль Безѣменова тѣмъ мудрена, что тутъ творчество и талантъ актера должны пополнить не совсѣмъ удавшійся образъ автора. Надо многое смягчить, многое выдвинуть, поработать надъ отдѣлкой, чтобы Безѣменовъ не явился лишь повтореніемъ деспотическихъ типовъ Островскаго и вышелъ болѣе несомнѣннымъ „мъщаниномъ“ а не просто купцомъ. (Но у г. Войталовскаго онъ вовсе ничѣмъ не вышелъ).

Перчихинъ въ пьесѣ—одинъ изъ бойцовъ лагеря жизнерадостныхъ и сильныхъ, контрастирующаго съ лагеремъ ноющихъ и слабыхъ. Но г. Поповъ-Волховской рѣшительно не попалъ въ тонъ роли ни разу онъ не воспользовался чисто-народной ея поэзіей, ни разу не подчеркнул ея красивыхъ лирическихъ мѣстъ. Элементарнымъ средствомъ для этого было бы просто дать послушать роль публикѣ,—тогда она сама бы за себя говорила и выручала бы даже слабого исполнителя красотой своего языка. Но г. Волховской проглотилъ добрую ея половину, да еще придавъ ей вовсе неумѣстный колоритъ низменнаго, комичнаго пьянчужки. Идеальный элементъ роли, — по замыслу автора значительный—совершенно у него отсутствовалъ. Былъ развѣ одинъ проблескъ, одинъ намекъ на истинный ея характеръ—это когда Перчихинъ, захлебываясь отъ радости, и вѣсти о свадьбѣ дочери, говорить, что теперь его и не отыщешь, — уйдетъ въ лѣсъ, станетъ жаръ-птицу ловить и пр. Г. Волховской—актеръ талантливый и могъ-бы, думается намъ, переработать эту роль въ корнѣ, если бы получше ее прочувствовалъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ сценѣ I акта за чайнымъ столомъ, оба, Безѣменовъ и Перчихинъ, наперерывъ глотали свои тирады, такъ что публикѣ, ровно ничего не слышавшей, было очень скучно.

Г-жа Чарусская играла Полю съ какимъ-то, если можно такъ выразиться, недоумѣніемъ; она рѣшительно не знала, какою ей быть, какъ ей держаться. Самая ея внѣшность совсѣмъ неожиданно украсилась огромнымъ бѣлокурымъ парикомъ,—съ какими-то декадентскими коками, —старившимъ ее и лишившимъ обликъ Поли всякаго правдоподобія. Въ изображеніи Поли авторъ совсѣмъ не помогаетъ актрисѣ—тутъ все у него одинъ намекъ, и творчеству актрисы дано широкое поле. Если ей не удастся создать отъ себя изъ Поли живое лицо, она выйдетъ просто хорошенькой дѣвушкой, довольно ничтожной, къ большому ущербу для интереса пьесы.

Гораздо разработаниѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне понятенъ, крайне повседневенъ типъ Петра—студента на подкладкѣ буржуя. Г. Николаевъ былъ въ этой роли безъ труда естественъ, правдивъ и простъ.

Г-жа Ильнарская очень подошла индивидуально къ роли веселой, непосредственной вдовушки. Но фальшивымъ мѣстомъ былъ рассказъ ея о жизни замужемъ, за тюремнымъ смотрителемъ, когда она веселила и утѣшала арестантовъ. Милая женщина дѣлала это совершенно просто, не подозрѣвая въ себѣ ни малѣйшей заслуги, дѣлала изъ неодолимой потребности, ради собственнаго удовольствія, и въ этомъ-то и цѣнность ея души, а г-жа Ильнарская какъ разъ лишила рассказъ простоты, внесла въ него претензію, рисовку, и очень исказила этимъ впечатлѣніе. Глаза ея были тутъ зачѣмъ-то все время устремлены вверхъ.

Чтобы исчерпать отзывы о женскомъ персоналѣ, скажемъ, что г-жа Лаврова, въ роли Безѣменовой, была недурна лишь мѣстами, напр. во время безмолвной молитвы при семейныхъ скандалахъ,—но въ большинствѣ случаевъ она утрировала и впадала въ неестественность.

Г-жа Антонелли довольно правильно и просто сыграла второстепенную рольку—изъ лагеря радостныхъ—учительницу.

Среди второстепенныхъ мужскихъ ролей намъ осталось отмѣтить студента Шишкина, г. Зиновьева,—который все время суетился, спѣшилъ, волновался, и ни на что реальное похожъ не былъ въ этой непрерывной и непонятной суетѣ.

Теперь обратимся къ истиннымъ героямъ пьесы, къ носителямъ симпатій и мыслей автора—Нилу и Тетереву. Роли эти были поручены опытнымъ артистамъ, г. Полю и г. Басманову и, очевидно старательно, добросовѣстно изучались. Что такое машинистъ Нилъ? Объ этомъ существуютъ въ публикѣ разногласія, доходящія до споровъ. Однимъ Нилъ представляется какой то зарей будущаго, элементомъ силы, свободы, свѣжести, за которымъ обеспечена побѣда, символомъ народнаго прогресса интеллектуальнаго и нравственнаго, надеждой всѣхъ борящихся за личную и коллективную независимость. Другіе видятъ въ немъ лишь ограниченнаго, себялюбиваго малаго, ловко дѣлающаго свою желѣзнодорожную карьеру, несомнѣнно трудолюбиваго и способнаго, но лишеннаго всякихъ идеальныхъ запросовъ и одареннаго лишь чисто эгоистическими инстинктами, которые онъ и удовлетворяетъ съ наслажденіемъ, самъ любясь своимъ умѣньемъ вернуться отъ жизненныхъ невзгодъ, урвать хороший кусокъ на пиру жизни,—словомъ, въ оболочкѣ рабочаго, будущаго типичнаго буржуа.

Итакъ, Ниль можетъ быть раскрашёнъ и истолкованъ актеромъ и въ сторону добра, и въ сторону зла. Г. Басмановъ, не сдѣлалъ ни того, ни другого, и Ниль его выпелъ половинчатымъ и неяснымъ. Это относительно внутренней стороны роли. Во внешней же сторонѣ, въ ухваткахъ, манерѣ говорить, движеніяхъ,—нужно бы пожелать большей отдѣлки и типичности. Ниль, ремесленный ученикъ, машинистъ, фигура довольно опредѣленная и долженъ обладать извѣстнымъ отпечаткомъ среды и профессіи. А. г. Басмановъ былъ совершенно культурнымъ человѣкомъ, „баринѣмъ“, и притомъ, съ внешней стороны, ничѣмъ инымъ какъ, г. Басмановымъ. Никакого измѣненія наружнаго типа, никакого новаго облика онъ не представилъ.

„Тетеревъ“ едва ли не лучшій человѣкъ въ пьесѣ, человѣкъ не только сердечный, какъ Елена Николаевна, и не только одаренный поэтичной душой, какъ Перчихинъ, но и человѣкъ сознательный мыслящій. Его самыя рѣзкія сужденія, самыя ѣдкія эпиграммы, вся его саркастическая философія не только не вызываютъ нигдѣ досады, не оскорбляютъ чувства зрителя (какъ безтактное повтореніе Перчихинымъ: „а вѣдь я думалъ, онъ женится на Танѣ“!), но какъ то облегчаютъ накопляющееся въ насъ негодованіе и боль, вторятъ нашему внутреннему настроенію. Самые его парадоксы на счетъ необходимости строго мѣрить и вѣшать добро за добро, а зло—расточать безъ мѣры—мы принимаемъ не буквально, а лишь какъ яркій способъ выразить презрѣніе и ненависть къ злу міра.

Г. Поль надѣлалъ ошибокъ во внешнемъ изображеніи Тетерева. Хотя гриммъ его былъ удаченъ, но голосъ былъ усвоенъ имъ такой гробовой, глухой, что этимъ безъ надобности повредилась отчетливость дикціи. Нужно замѣтить, что пьеса „Мѣщане“, не имѣющая сценичности, блещетъ главнымъ образомъ остроуміемъ и литературными красотами отдѣльныхъ ролей, даже отдѣльныхъ ихъ мѣстъ. Потому ее нужно прежде всего читать какъ можно яснѣе, выдвигая фразы и слова. А г. Поль, подобно большинству исполнителей, какъ разъ этого не сдѣлалъ,—далеко не все въ роли Тетерева достаточно сильно навязывалось вниманію. Но чувства было у артиста мѣстами много, чувства теплаго, искренняго, полуподавленного, какъ и слѣдуетъ. Мимика его была оригинальна и вѣрна. Изъ лучшихъ мѣстъ и притомъ такихъ, гдѣ болѣе сильно и ярко выступила стилистическая сторона роли, отмѣтимъ слова: „и всѣ вы придете въ одно мѣсто—въ могилу!“ Тутъ, и дальше, въ слѣдующихъ взрывахъ такихъ же горькихъ истинъ, артистъ возвысился до трагизма.

Постановка пьесы съ режиссерской стороны была тщательна. На сцену отравленія—„гвоздь“ сценической эффектности въ пьесѣ—потрачено много труда. Комната, гдѣ пьеса идетъ безъ перерыва, хорошо, типично обставлена—съ ея шкафомъ символомъ, съ пейзажемъ на дешевенскихъ часахъ, съ зимнимъ провинціальнымъ видомъ, смотрящимъ въ венеціанское окно, съ перспективой другихъ такихъ же простенькихъ, сѣренькихъ комнатъ и пр.